

**236 ПИФ-ПАФ ИЛИ ИСКУССТВО
УПРАВЛЯТЬ ЛЮДЬМИ. Французская
сказка.**

PIF PAF. OU L'ART DE GOUVERNER LES
HOMMES. CONTE DE TOUS LES PAYS.

**I. КОРОЛЬ КАПРИЗНИК И ПРИНЦ
ПРЕЛЕСТНИК.**

LE ROI BIZARRE ET LE PRINCE CHARMANT.

В королевстве Бешеных Трав, счастливой и благословенной небом земле, где всегда правы мужчины, где никогда не бывают виноваты женщины, много лет тому назад жил король, который заботился исключительно о благополучии своих ближних и никогда не ведал скуки. Пользовался ли он всеобщей любовью? Сомнительно. Достоверно лишь то, что приближенные питали к нему мало уважения и еще меньше любви. Они-то и прозвали его королем «Капризником», единственным именем, под которым он известен и в истории, как это видно из «Великой хроники королевств и княжеств мира, никогда не существовавших», замечательного труда, обессмертившего уче-

ность и остроумие преподобного прелата дона Мельхиседека де-Ментерас и Неседад.

Овдовев после одного года супружества, Капризник перенес всю свою любовь на своего сына и наследника. Это был краси-

вый ребенок. Его личико было свежо, как бенгальская роза, прекрасные русые волосы ниспадали по плечам золотистыми кудрями. Прибавьте к этому голубые ясные очи, прямой нос, маленький рот, продолговатый подбородок, и вы получите облик херувима. На восьмом году это юное чудо восхитительно плясало, ездило верхом, как опытный наездник, и фехтовало, как испытанный рыцарь. Кто не пленялся его улыбкою и величественными движениями, которыми он приветствовал толпу, когда был в настроении? За это глас народный, который никогда не ошибается, окрестил его принцем «Прелестником», и это прозвище за ним так и осталось.

Прелестник был прекрасен, как день, но и на солнце, говорят, есть пятна, а короли не пренебрегают сходством с солнцем. Наш принц пленял всех окружающих своим приветливым видом, но в нем были и тем-

ные стороны, которые не ускользали от пытливых глаз любви и ненависти. Гибкий,

ловкий, проворный, Прелестник был ленив в ученьи.

Он вбил себе в голову, что и без ученья знает всё. Правда, гувернантки, льстецы и дворня без умолку повторяли ему, что труд

не для королей и что король считается достаточно сведущим, если щедрой, пренебрежительной рукою бросает поэтам, писателям, художникам частицу тех денег, которые преподносят ему его счастливые крестьяне. Эти речи льстили гордости Прелестника, поэтому на двенадцатом году милое дитя, с твердостью не по летам, отказалось открыть букварь. Три наставника, избранных из числа самых искусных и терпеливых, — аббат, философ и полковник, тщетно пытались по очереди сломить непреклонность ученика. Аббат потерял при этом свою философию, философ — свою тактику, а полковник — свою латынь. Оставив поле сражения за собою, Прелестник никого более не слушался и жил без принуждения и обязанностей. Упрям, как мул, вспыльчив, как индюк, ласков, как кошка, и ленив, как уж — он был славой прекрасной страны Бешеных Трав, предметом всеобщей любви и восторгов.

II. МАДЕМУАЗЕЛЬ ПАЦЦА.

MADEMOISELLE PAZZA.

Хотя король Капризник и получил дворцовое воспитание, он все-таки был человеком рассудительным. Невежество Прелестника ему очень не нравилось и его часто беспокоил вопрос, что станет с королевством при наследнике, которого даже самый ничтожный из льстецов может легко провести. Но как тут быть? Какое средство избрать против ребенка, завещанного ему обожаемой женой на смертном одре? Капризник скорее уступил бы корону сыну, чем хотел бы видеть его в слезах. Любовь обезоруживала его, но она не была слепа, хотя поэты и утверждают обратное. Мучение любящего состоит в том, что он, помимо своей воли, становится рабом того, кто чувствует себя любимым.

Ежедневно после заседаний совета Капризник проводил конец дня у маркизы де-Косторо. Это была дама преклонных лет, которая когда-то баюкала короля на своих руках и теперь одна могла напомнить ему сладкие дни его детства и юности. Она была, говорят, ужасно уродлива и занималась немного колдовством, но свет так злоязы-

чен, что его сплетням всегда лучше верить наполовину. У маркизы были крупные черты лица и аристократические седые волосы, и легко можно было себе представить, что она была красавицей в былые времена.

Однажды, когда Прелестник был безрассуднее обыкновенного, король вошел к маркизе особенно озабоченным. Как всегда, он сел к столу, на котором лежала приготовленная колода карт, и принялся раскладывать пасьянс. Это помогало ему притуплять мысль и предавать забвению на несколько часов деловые заботы и навеянную делами скуку. Едва успел он разложить шестнадцать карт правильным четырехугольником, как, глубоко вздохнув, воскликнул:

— Маркиза, перед вами несчастнейший из всех отцов и королей! Несмотря на своё врожденное обаяние, Прелестник с каждым днем становится своенравнее и непослушнее. Господи! Вправе ли я оставить после

себя такого наследника и вверить свои владения светлейшему глупцу?

— Такова уж судьба, — ответила маркиза. — Она одаривает всегда лишь с одной стороны. Лень — вечный спутник красоты, ум же и безобразие никогда не расстаются. Пример этому в моей собственной семье: несколько дней тому назад мне прислали мою двоюродную внучку, у которой, кроме меня, нет родных. Она мерзка, как жаба, худа, как паук, притом хитра, как обезьяна, и умна, как книга, и всей этой прелести нет еще и десяти лет. Судите сами, сир (6), мой маленький урод сам пришел с вами поздороваться.

Король обернулся и увидел ребенка, полностью соответствовавшего описанию маркизы. Выпуклый лоб, темные, неприветливые глаза, взъерошенные волосы, матово-смуглый цвет кожи, большие белые зубы, загорелые длинные руки — все это нимало не походило на нимфу лесов. Но из куколки появляется бабочка. Дайте ребен-

ку расправить свои крылышки и вы увидите, в каких красавиц превращаются иногда эти противные десятилетние девчонки.

«Маленький урод» подошел к королю и сделал перед ним такой серьезный реверанс, что Капризник не мог удержаться от смеха, хотя и не был расположен к веселости.

— Кто ты? — спросил он, дотрагиваясь до подбородка девочки.

— Ваше Величество, — с важностью ответил ребенок, — я — донна Долорес-Розарио-Кораль-Конха-Валтасара-Мельхиора-Гаспара и Тодос Сантос, дочь благородного рыцаря дона Паскаля-Бартоломео-Франческо де Асиз и...

— Довольно, — прервал король, — я не спрашиваю тебя о твоей родословной, мы здесь не на твоих крестинах, не на твоей свадьбе. Как тебя зовут запросто?

— Сир, — отвечала она, — меня зовут Паццой (7).

— А почему тебя зовут Паццой?

— Потому что это не мое имя, сир.

— Это странно, — сказал король.

— Нет, сир, — отвечала девочка, — это весьма просто. Моя тетка утверждает, что я слишком сорви-голова для того, чтобы хоть один святой признал бы меня своей крестной дочерью. Вот почему она назвала меня именем, которое в раю никого не оскорбит.

— Ответ хорош, дитя мое. Я вижу, что ты не простая девочка. Не всякому дано оказывать подобное внимание обитателям рая. Если ты так смышлена, не можешь ли ты сказать мне, кто такой ученый?

— Да, сир. Ученый — это человек, который знает, что он намерен сказать, когда начинает говорить, и что он хочет сделать, когда берется за работу.

— О, если бы мои ученые были такими, какими ты их себе представляешь, — сказал король, — я сделал бы их своими советниками и поручил бы им управлять моими владениями. А кто такой невежда?

— Сир, — отвечала Пацца, — бывают три вида невежд: тот, кто ничего не ведает, тот, кто говорит о том, чего он не ведает, и тот, кто ничего не хочет ведать. Все три пригодны разве что для костра или для виселицы, потому что они не тонут.

— То, что ты говоришь, похоже на пословицу. Знаешь, как называют пословицы?

— Да, сир. Их называют мудростью народов.

— А почему их так называют?

— Потому, что они сумасшедшие, — отвечала Пацца. — Они режут правду в глаза, они бывают на всякий цвет и вкус. Пословицы похожи на колокола, они отвечают: да или нет, смотря по душевному со-

стоянию того, кто вслушивается в их перезвон.

При этом Пацца, высоко подпрыгнув, поймала муху, жужжавшую около королевского носа, затем, покинув изумленного Капризника, побежала к своей кукле, опустилась на пол и стала укачивать ее на своих коленях.

— Итак, — спросила маркиза, — какого вы мнения об этом ребенке?

— Она слишком умна, — отвечал король.
— Она долго не проживет.

— О, Ваше Величество, — воскликнула девочка, — ваши слова не льстят самолюбию моей тетушки, ведь ей давно уже минуло десять лет.

— Молчи, цыганенок, — проговорила старая дама, улыбаясь, — разве королям делают выговоры?

— Маркиза, — сказал Капризник, — у меня возникла мысль до того странная, что я едва ли дерзну поверить ее вам, и тем не менее, я чувствую страстное желание привести ее в исполнение. Я ничего не могу поделать с сыном, ум не имеет власти над этим упрямым. Как знать, быть может, сумасбродство достигнет большего успеха? Не сделать ли из Паццы наставницу Прелестника? Этот сорванец, противящийся всем своим учителям, окажется, быть может,

беззащитным против ребенка. Единственное препятствие — это то, что все будут не согласны со мною. На меня ополчится весь свет.

— Пустяки! — сказала маркиза. — Свет так глуп, что быть разумным, значит — не думать так, как думает свет.

III. ПЕРВЫЙ УРОК. LA PREMIERE LECON.

Вот таким образом Пацце было поручено образование юного принца. Официального назначения не последовало. В местных «Ведомостях» не сообщалось, что король внезапно нашел выходящего из ряда вон гения и вверил ему ум и сердце своего наследника, но на следующий же день Пре-

лестника послали к маркизе и разрешили ему играть с Паццой.

Оставшись наедине, дети молча глядели друг на друга. Пацца, более бойкая, заговорила первой:

— Как тебя зовут? — спросила она своего нового приятеля.

— Те, которые со мной не знакомы, называют меня Ваше Величество, — отвечал Прелестник обиженно, — те, которые знакомы со мной, называют меня запросто принцем, а все прочие говорят мне Вы. Этого требует этикет.

— Что это такое — этикет? — спросила Пацца.

— Не знаю, — отвечал Прелестник. — Когда я прыгну, когда я вскрикну, когда я захочу покувыркаться на полу, мне заявляют, что это против этикета. Тогда я утихаю и начинаю скучать: это и есть этикет.

— Ну, раз мы здесь для того, чтобы весело проводить время, — предложила Пацца, — давай отбросим всякий этикет. Говори мне «ты», как будто я твоя сестра, я буду говорить тебе «ты», как будто ты мой брат, а Величеством я тебя звать не стану.

— Но ты не знакома со мной!..

— Это ничего не значит, — отвечала Пацца, — я тебя люблю, а это будет гораздо лучше. Говорят, ты превосходно танцуешь? Научи и меня танцевать. Хорошо?

Лед растаял. Прелестник обхватил девочку вокруг талии, и не прошло и получаса, как он научил ее танцевать польку.

— Как хорошо ты танцуешь! — сказал он ей. — Ты сразу поняла все па.

— Это потому, что ты хороший учитель,
— отвечала она. — Теперь моя очередь
научить тебя чему-нибудь.

Она взяла роскошную книгу с картинками и начала показывать ему изображения памятников, рыб, великих людей, попугаев, ученых, редких зверей, цветов — таких предметов, которые занимали Прелестника.

— Смотри, — сказала Пацца, — вот объяснение ко всем, всем этим рисункам: давай прочтем.

— Я не умею читать, — ответил Прелестник.

— Я научу тебя. Я буду твоей маленькой учительницей.

— Нет, — отвечал упрямец, — я не хочу учиться читать. Все учителя мне надоедают.

— Прекрасно. Но я же не учитель. Смотри, вот А, прелестное А. Скажи мне А.

— Нет, — возразил Прелестник, хмуря брови, — я ни за что не скажу А.

— Для моего удовольствия.

— Нет, ни за что! И не проси, я не люблю, когда мне перечат.

— Милостивый государь, вежливый человек ни в чем не отказывает дамам!

— Я отказываю всем и каждому! — вскрикнул Прелестник. — Оставь меня в покое, я тебя более не люблю. Отныне называй меня Величеством.

— Величественный Прелестник или Прелестное Величество, — отвечала Пацца, побагровев от гнева, — вы будете читать или объясните мне причину своего отказа.

— Я не стану читать!

— Нет! Раз! Два! Три!

— Нет! Нет! Нет!

Пацца подняла руку и — пиф-паф! Две пощечины поразили юного принца. Пацце говорили, что ум у нее даже в кончиках пальцев. Она поняла буквально эти слова — никогда не следует шутить с детьми!

Получив это первое предостережение, Прелестник побледнел и затрясся, кровь ударила ему в голову, крупные слезы показались на глазах. Он бросил на свою мо-

лодую наставницу такой взгляд, что она вздрогнула. Затем в одно мгновение он сделал сверхъестественное усилие, вполне овладел собой и слегка взволнованным голосом проговорил:

— Пацца, вот А...

И в тот же день, за один урок он выучил весь алфавит. К концу недели он бегло читал по складам. Не прошло и месяца, как он выучился читать свободно.

Кто был счастлив? Конечно, король-отец. Он расцеловал Паццу в обе щеки, он потребовал, чтобы она неотлучно находилась при его сыне и при нем самом. Он сделал этого ребенка своим другом и советником, к великой зависти своих приближенных. Прелестник, неизменно пасмурный и молчаливый, быстро усвоил всё, чему могла научить его юная наставница, и вскоре вернулся к своим прежним учителям, кото-

рых привел в изумление своей сообразительностью и прилежанием.

Он так отлично усвоил грамматику, что аббат однажды поставил сам себе вопрос, нет ли в его объяснениях, которых он сам

не понимал, какого-то смысла? Не менее удивлял Прелестник философа, который по вечерам объяснял ему совершенно противоположное тому, чему учил его аббат по утрам. Но из всех своих учителей с наименьшим отвращением он слушал полковника. Правда, Байонет, — так звали полковника, — был искусным стратегом и поведал своему ученику тайну, как застегивать гамаши и отворачивать полы мундира. Он же внушил принцу понятие, что самое достойное для него занятие заключается в строевом учении и что основа военного искусства состоит в том, чтобы производить смотры и парады.

Быть может, эти взгляды и не согласовались со взглядами короля-отца, но он был так рад успехам сына, что ничем не хотел омрачать столь изумительных результатов воспитания.

— Сын мой, — говаривал он, — не забудь, что всем ты обязан Пацце.

При этом Пацца, краснея от удовольствия, нежно глядела на молодого человека. Несмотря на весь свой ум, она была настолько безумна, что полюбила его. Прелестник же ограничивался холодным ответом, что благодарность есть добродетель людей высокого происхождения, и что настанет день, когда Пацца поймет, что ученик ее ничего не забыл.

IV. СВАДЬБА ПАЦЦЫ. LES NOCES DE PAZZA.

Когда Прелестнику минуло семнадцать лет, в одно прекрасное утро он вошел к отцу, здоровье которого становилось все слабее и который страстно желал женить своего сына до своей кончины.

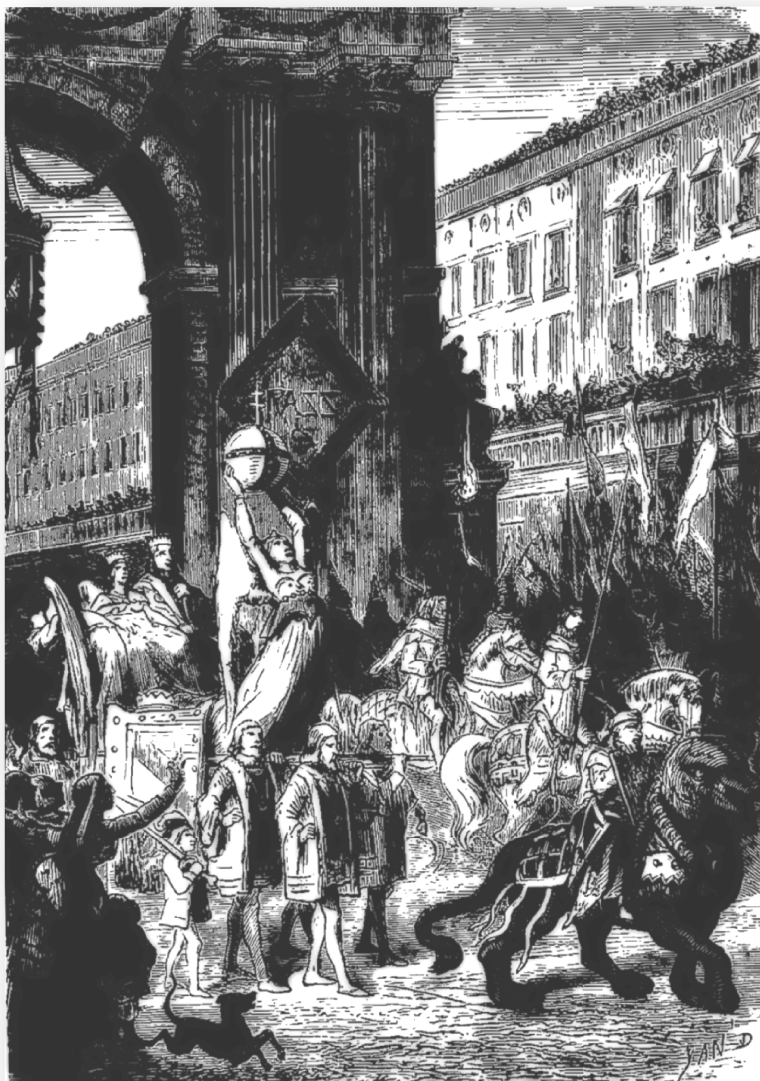
— Отец, — сказал он, — я долго размышлял по поводу твоих мудрых слов: ты даровал мне жизнь, но Пацца сделала для меня больше, вызвав к жизни мой разум и мою душу, и я не вижу иного способа уплатить долг моего сердца, как жениться на той, которой обязан всем, чем я стал. Я пришел к тебе просить руки Паццы.

— Дорогой мой сын, — отвечал король, — это решение делает тебе честь. В жилах Паццы не течет королевская кровь, не ее я выбрал бы тебе при других обстоятельствах в супруги. Но как только я подумаю о ее добродетелях, о ее достоинстве, о той услуге, которую она нам оказала, я забываю пустые предрассудки. У Паццы душа настоящей королевы, так пусть же она будет твоей супругой. В стране Бешеных Трав настолько любят ум и доброту, что простят тебе то, что глупцы называют неравным браком, я же считаю самым настоящим. Счастлив тот, кто в состоянии избрать себе супругу умную, способную его

понять и полюбить! Поэтому завтра же мы отпразднуем вашу помолвку, а через два года вас обвенчают.

День свадьбы наступил скорее, чем предполагалось. Спустя пятнадцать месяцев после этих памятных слов Капризник скончался от слабости и истощения. Он слишком строго относился к обязанностям своего высокого звания, и это привело его к смерти. Старая маркиза и Пацца оплакивали своего друга и благодетеля, но плакать пришлось им одним. Не будучи дурным сыном, Прелестник рассеивался заботами по управлению. Приближенные ожидали великих милостей от нового короля и не помышляли о старом, щедрую руку которого сомкнула смерть.

Почтив память своего родителя великолепными похоронами, юный принц отпраздновал свадьбу с блеском, очаровавшим добрых жителей Бешеных Трав. Со всех сторон, за сто верст в округе стекались толпы, чтобы увидеть нового властелина, не менее восхищались и Паццой, расцветающая красота и очевидная доброта которой привлекали все сердца. Давались бесконечные обеды, говорились речи длиннее обедов, декламировались стихи скучнее речей. Одним словом, это было торжество, ни с чем не сравнимое, о нем говорили еще шесть месяцев спустя.

Когда наступил вечер, Прелестник предложил руку своей прелестной супруге, взволнованной и покрасневшей. С холодной учтивостью он провел её по длинным коридорам до дворцовой башни. Войдя в нее, Пацца ужаснулась, очутившись в темном помещении с решетками на окнах, огромными замками и засовами.

— Что это такое? — спросила она. — Это похоже на тюрьму.

— Да, — отвечал Прелестник, взглянув на супругу страшными глазами. — Это тюрьма, из которой ты выйдешь лишь для того, чтобы сойти в могилу!

— Друг мой, ты меня огорчаешь, — возразила, улыбаясь, Пацца. — Разве я виновата в чем-нибудь? Чем вызвала я твое неудовольствие, что ты мне угрожаешь тюрьмой?

— У тебя короткая память, — отвечал Прелестник. — Оскорбитель пишет на песке, оскорбленный — на мраморе и бронзе.

— Прелестник, — возразила, встревоженная Пацца, — зачем ты повторяешь фразу из тех речей, которые мне так надоели? Разве ты не можешь ничего более подходящего сказать мне сегодня?

— Несчастливая! — воскликнул король. — Ты позабыла пощечину, которую некогда

дала мне, но зато я ничего не забыл. Знай, я жаждал жениться на тебе только для того, чтобы завладеть твоей жизнью и заставить тебя медленной мукой искупить твое преступление против моего сана!

— Друг мой, — возразила Пацца с плутовским упрямством, — ты похож на Синюю Бороду, но меня ты не испугаешь! Я знаю тебя, Прелестник, и предупреждаю, что я дам тебе не одну, а целых три пощечины! Поторопись выпустить меня, иначе, я клянусь тебе, что сдержу свое слово!

— Клянись же, сударыня! — вскричал король, бесясь при мысли, что не может утратить свою жертву. — Я принимаю вашу клятву! Я клянусь со своей стороны также, что вы не войдете в мои покои, прежде чем я не окажусь настолько подлым, чтобы снести твоекратное, лишь кровью смываемое оскорбление. Поживем — увидим! Рашембур, сюда!

И в помещение вбежал бородатый, грозного вида тюремщик. Привычным движением он бросил королеву на пол и захлопнул дверь, так сильно звеня ключами и зазовами, что мог бы нагнать страху на самого храброго.

Если Пацца и обливалась слезами, то, во всяком случае, так тихо, что никто не слышал ее. Устав подслушивать, Прелестник

удалился, с бешенством в душе и клятвой — суровостью сломить это гордое создание.

— Мечь, — говорил он, — отрада королей.

Спустя два часа маркиза получила из доверенных рук записочку, которая уведомляла ее о печальной судьбе племянницы. Каким путем попала к ней эта записка? Я это знаю, но никого не хочу выдавать. Если нашелся случайно милосердный тюремщик, то пощадить его — доброе дело. Подобное редко встречается и исчезает, к сожалению, с каждым днем.

V. УЖАСНОЕ СОБЫТИЕ. UN EFFROYABLE EVENEMENT.

На другой день «Ведомости» сообщили, что в день свадьбы с королевой случился сильный припадок буйного помешательства и что на ее спасение мало надежды.

Не нашлось ни одного человека, который не заметил бы, что накануне королева, действительно, была весьма возбуждена, поэтому болезнь ее не могла никого удивить. Все жалели Прелестника, выслушавшего с хмурым и принужденным видом выражения соболезнования, расточаемые перед ним. Горе, без сомнения, сильно удручало его. Но это горе стало заметно легче после посещения маркизы де-Косторо.

Добрая дама была весьма опечалена и выражала страстное желание видеть свою родственницу, но она была так стара и слаба, что умоляла короля избавить ее от этого раздирающего душу зрелища. Она кинулась в объятия Прелестника, который, со своей стороны, нежно поцеловал ее. Маркиза удалилась, говоря, что всю надежду она возлагает на любовь короля и на искусство его главного врача.

Едва успела она удалиться, как врач, склонившись к уху Прелестника, сказал ему два слова, вызвавших на лице короля тотчас же довольную улыбку. Раз маркиза удалилась, бояться было более нечего, — месть была обеспечена.

Доктор Видувильст был великим врачом. Родившись в стране Снов, он рано покинул свою родину, чтобы попытать счастье в стране Бешеных Трав. Он был слишком ловок, чтобы счастье могло ускользнуть от него. В течение пяти лет, проведенных им в знаменитом Люгенмаульбергском универ-

ситете, медицинская теория изменилась двадцать пять раз. Благодаря такому солидному образованию, доктор приобрел твердость взглядов, которую ничто не могло поколебать. Он утверждал, что у него искренность и грубость воина. Подчас он даже ругался, в особенности с дамами. Эта грубость позволяла ему разделять мнение более сильного и заставлять себе платить за что, чтобы не иметь собственного мнения. Вот в эти-то руки и попала бедная королева.

Прошло три дня, как она была заточена, и город начинал уже говорить о других вещах, когда Рашембур, весь растрепанный, неожиданно вошел к королю и, трепеща, как лист, пал к его ногам.

— Ваше Величество, — сказал он, — я принес вам свою голову. В эту ночь королева исчезла.

— Что ты говоришь! — воскликнул, бледнея, король. — Это невозможно! Темница окружена со всех сторон решетками!

— Так точно, — отвечал тюремщик, — это невозможно, бесспорно: решетки на своих местах, стены также, замки и засовы не тронуты. Но бывают на свете колдуньи, которые проходят сквозь стены, не сдвигая ни единого камня. Кто знает, не была ли пленница колдуньей? Ведь для всех так и осталось тайной, откуда она явилась к нам.

Король послал за доктором. Тот был человеком недюжинного ума и вовсе не верил в колдуний. Он ощупал стены, потряс решетки, допросил тюремщика — все было тщетно. Послали надежных шпионов по всему городу, приказали следить за маркизой, которую подозревал доктор, но, спустя неделю, пришлось отказаться от всех поисков. Рашембур потерял свое место тюремщика, но так как он был посвящен в королевскую тайну, в нем чувствовали необходимость. К тому же он пылал жадой

мести, и его сделали дворцовым привратником. Взбешенный своей неудачей, он занялся надзором с таким рвением, что менее чем в три дня он раз шесть задержал самого Видувильста и этим поставил себя вне подозрений.

В конце недели рыбаки доставили в замок платье и плащ королевы. Прилив выбросил на берег эти вещи, загрязненные песком и морской пеной. Бедная помешанная Пацца утопилась, никто в этом не сомневался при виде скорби короля и слез маркизы. Был созван верховный совет, который единогласно постановил, что, согласно законам, королева умерла, а король овдовел, поэтому в интересах королевских подданных следует умолять его величество сократить время горестного траура и как можно скорее вступить в новый брак, дабы обеспечить себе потомство. Эта просьба приближенных была передана королю главным врачом и председателем верховного совета Видувильстом. Тот произнес

такую трогательную речь, что весь замок рыдал, а король кинулся в объятия врача, называя его своим жестоким другом.

Нечего говорить, какую торжественную тризну справили по королеве, столь жалеемой всеми. В стране Бешеных Трав все служит поводом к торжественным церемониям. Это было удивительное торжество, но самым удивительным было поведение молодых девиц. Каждая глядела на Прелестника, которому траурное одеяние было очень к лицу. Каждая плакала одним глазком, чтобы почтить королеву и улыбалась другим, чтобы пленить короля. О, если бы тогда уже было изобретено искусство фотографии, какие портреты, какие модели для наших живописцев передали бы нам те времена! В древности людей украшали страсти: любовь, ненависть, гнев одушевляли те живые лица! В настоящее время мы так добродетельны и умны, что у нас у всех одинаковая одежда, одинаковая шляпа, одинаковая физиономия. Цивилизация

— это победа нравственности и утрата для искусства.

После описания печальной церемонии, которое, по обыкновению, занимало шесть столбцов «Ведомостей», определили сроки большого и малого траура. Но так как малый траур приходился на масленицу, то было решено в целях покровительства торговли устроить в замке костюмированный бал. Тотчас же портные и швеи приступили к работе. Велик и мал домогался приглашения, забурлили сплетни и интриги.

Так торжественно оплакивали бедную Паццу!

VI. КОСТЮМИРОВАННЫЙ БАЛ. LE BAL MASQUE.

Наконец великий день, ожидаемый с таким нетерпением настал. В течение шести недель население Бешеных Трав трясло, как в лихорадке. Не говорили более ни о министрах, ни о сенаторах, ни о генералах, ни о судьях, ни о принцессах, ни о герцогинях, ни о простых девушках. Все на расстоянии верст двадцати в округе превратилось в пьеро, арлекинов, цыганок, коломбин и «безумных».

Если судить по газетным описаниям, то этот праздник своей роскошью превзошел все празднества минувших и будущих времен. Бал устроили среди цветущего сада, в роскошно убранном павильоне. Пройдя по лабиринту длинных аллей, слабо освещенных разноцветными фонариками, гости попадали в сияющий позолотой и огнями зал. Оркестр, расположившийся в чаще кустов, услаждал слух то торжественными, то игривыми мелодиями. Прибавьте к этому богатство туалетов, блеск брильянтов, остроумие масок, заманчивость интриги — толь-

ко душа старого стойка могла бы противостоять опьянению весельем!

Несмотря на все это, Прелестник не мог развеселиться.

Скрываясь под голубым домино, с совершенно замаскированным лицом, он подходил к самым изящным и самым веселым маскам, расточал свое остроумие и светские шутки и всюду находил лишь равнодушие и холодность. Его едва слушали, отвечали ему чуть ли не зевая, торопились отойти от него. Все взоры были устремлены на одно черное домино с розовыми бантами, беспечно прогуливавшееся по бальной зале и с важностью паши принимавшее всеобщие комплименты и улыбки. Домино это было не кто иной, как доктор Видувильст, лучший друг короля, но еще больший друг собственного удовольствия. В минуту рассеянности врач, как бы невзначай, поведал двум дамам, под условием глубокой тайны, что король прикрепит к черному домино розовые банты. И не его

вина в том, что дамы не умеют молчать, а король изменил свой костюм.

В то время как Видувильст наслаждался своей проделкой, Прелестник сел в углу залы и закрыл лицо руками. Всеми покинутый среди шумной толпы, он задумался, и облик Паццы предстал перед ним. Он ни в чем не мог упрекнуть себя, возмездие его было справедливо, и все-таки он чувствовал, не зная почему, угрызения совести. Бедняжка Пацца! Конечно, она была виновата, но, по крайней мере, она любила его, она понимала его, она слушала его с блестящими от радости глазами. Какая разница — она и эти пустые женщины, которые при первом же слове не смогли узнать по остроумию своего короля!

Он вскочил и хотел покинуть бал, как вдруг заметил даму в маске, которая так же удалилась от веселой толпы и казалась погруженной в думы. Распахнувшееся домино открывало костюм цыганки и баш-

мачки с пряжками, надетыми на ножку, меньшую, чем у Золушки.

Король приблизился к незнакомке и увидел под бархатом маски большие темные глаза, задумчивый взгляд которых изумил его и привел в восхищение.

— Прекрасная маска, — проговорил он, — твое место вовсе не здесь. Оно в той оживленной и любопытной толпе, ищущей короля, дабы оспорить друг у друга улыбку его и сердце. Там можно выиграть королевскую корону, разве тебе это неизвестно?

— Я ни к чему не стремлюсь, — отвечала маска спокойным и нежным голосом. — Играть в эту азартную игру — значит подвергаться возможности принять слугу за господина.

— А если бы я показал тебе короля?

— О чем мне с ним говорить? — возразила незнакомка. — Я лишусь тогда права осуждать его, не оскорбляя, и хвалить, не льстя.

— Разве тебе известно о нем много дурного?

— Немного дурного, немного хорошего, но что из этого?

Проговорив это, домино развернуло свой веер и вновь погрузилось в думы.

Это равнодушие поразило Прелестника. Он говорил с воодушевлением — ему холодно отвечали, он убеждал, молил, волновался и достиг наконец того, что его стали покорно слушать, но уж более не в бальной зале, где жара была тягостна и любопытство слишком нескромно, а в тени тех длинных аллей, где немногочисленные гуляющие искали тишины и прохлады.

Ночь приближалась. Уже не раз цыганка заводила речь о возвращении домой к великому огорчению короля, тщетно упрашивавшего ее сбросить маску. Незнакомка словно не слышала его просьб.

— Не приводите меня в отчаяние, сударыня, — воскликнул король, охваченный чувством уважения и симпатии к таинственной незнакомке. — К чему это жестокое молчание?

— К тому, что я узнала Ваше Величество, — отвечала незнакомка взволнованным голосом. — Этот голос, звучащий с такой искренностью, манера выражаться и держать себя слишком ясно говорят, кто вы такой. Позвольте мне уехать.

— Нет, сударыня! — воскликнул король, плененный ее умом. — Вы одна узнали меня, вы одна меня поняли. Вам принадлежит мое сердце и моя корона. Сбросьте эту ревнивую маску, и мы тотчас вернемся в бальную залу. Я представлю этой невежественной толпе девушку, которой я имел счастье понравиться. Скажите одно только слово, и все мои люди — у ваших ног!

— Ваше Величество, — отвечала незнакомка с печалью в голосе, — позвольте мне

отклонить предложение, которое делает мне честь. Сознаюсь, я честолюбива. Было время, когда я хотела бы разделить с вами вашу судьбу и носить ваше имя, но прежде всего я — женщина и счастье свое вижу в одной лишь любви. Я не хочу обладать сердцем, разделенным хотя бы воспоминанием, я ревную даже к минувшему.

— Я никогда никого не любил! — воскликнул король с искренним жаром. — В обстоятельствах моей женитьбы скрывается тайна, открыть которую я не могу никому, кроме моей супруги. Но я могу дать вам клятву, что я никогда не отдавал своего сердца! Я люблю впервые.

— Покажите мне вашу руку, — сказала цыганка, — и подойдем к этой лампе. Я взгляну, правду ли вы мне говорите.

Прелестник с уверенностью протянул руку. Цыганка рассмотрела все линии и вздохнула.

— Вы правы, король, вы никогда не любили. Но этого мало для успокоения моей ревности. До меня вас любила другая. Смерть, увы, не разрывает священных уз. Королева любит вас до сих пор, вы ей принадлежите! Принять сердце, которым вы не вправе располагать, было бы с моей стороны преступлением. Простите.

— Сударыня, — проговорил король твердо, — вы не сознаете, как сильно заставляете меня страдать. Есть вещи, о которых я желал бы забыть навечно, а вы принуждаете меня говорить о них. Королева никогда меня не любила, одно лишь честолюбие руководило ею.

— Это неправда, — возразила незнакомка. — Королева любила вас.

— Нет, сударыня, за всем этим таилась гнусная интрига, жертвами которой оказались мой отец и я.

— Довольно! — воскликнула незнакомка. Руки ее дрожали, а пальцы как-то странно,

судорожно сжимались. — Питайте уважение к мертвым, не клеветайте на них.

— Сударыня, я уверяю вас, и никто еще не сомневался в моем слове: королева никогда меня не любила, она была злым созданием.

— Ах! — вскрикнуло домино.

— Своенравным, свирепым, ревнивым!

— Если она была ревнива, значит она любила вас, — прервала маска. — Подыщите повод, по крайней мере, более правдоподобный, не оскорбляйте сердца, всецело преданного вам.

— Она так мало меня любила, что даже в день нашей свадьбы осмелилась сказать мне в лицо, что вышла за меня по расчету.

— Этого не может быть, — сказала цыганка, подымая руку, — этого не может быть.

— Сударыня, клянусь, что это правда.

— Ты солгал! — вскричала незнакомка.

Пиф-паф! Пощечина ослепила Прелестника, и в тот же миг незнакомка исчезла.

В бешенстве король отшатнулся в сторону и схватился было за эфес своей шпаги, но на бал не ходят, как на войну: вместо оружия он нащупал бант из лент. Он бросился вслед за своим врагом, но разве его можно было найти? В лабиринте аллея Прелестник терял дорогу раз двадцать. Он не встречал никого, кроме масок, прогуливающихся парами и не обращавших на него никакого внимания. Придя в отчаяние, он вернулся в бальную залу — вдруг в ней скрылась незнакомка, но как ее узнать?

Блестящая мысль мелькнула в уме короля: если все снимут маски, он, несомненно, узнает цыганку, которую смутит его присутствие, её выдаст собственное волнение. Тотчас Прелестник вскочил на кресло и громогласно крикнул:

— Милостивые государи и государыни! Приближается утро, веселье гаснет. Ожи-

вим же наш праздник новой причудой: до-
лой инкогнито! Я подаю пример. Кто любит
меня, последуйте моему примеру!

Он сбросил свое домино, откинул маску и
предстал в изящном и богатом испанском
наряде.

Раздался всеобщий крик изумления. Взо-
ры всех устремились вначале на короля, а
затем тотчас же на черное домино с розо-
выми лентами, удалявшееся как можно
скорее, со скромностью, не носившей ни-
каких следов притворства. Гости сняли
маски, дамы окружили короля. Все замети-
ли, что он живо интересуется костюмами
цыганок. Молодые и старые, все цыганки
были осчастливлены его вниманием, он
брал их за руки, дарил их взглядами, кото-
рые заставляли других мучиться от зависти.
Затем он махнул рукой оркестру, танцы
снова начались, король удалился.

Он бросился в аллеи, надеясь найти там вероломную, так оскорбившую его. Что влекло его? Чувство мести, конечно. Кровь стучала у него в висках. Он шел наугад, останавливаясь временами. Он зорко смотрел по сторонам, вслушивался, подстерегал, кидался, как безумный, вслед каждой светлой точке, мелькавшей сквозь листву, смеясь и рыдая одновременно, совершенно потеряв голову.

На повороте одной аллеи он натолкнулся на Рашембура, стоявшего с испуганным лицом и дрожащими руками.

— Ваша светлость, — шепнул он таинственным голосом, — вы изволили видеть его?

— Кого?

— Привидение, мой король! Оно прошло мимо меня, со мною все кончено. Завтра меня не станет.

— Какое привидение?

— Призрак, домино с огненными глазами, оно велело мне опуститься на колени и дало мне две оплеухи.

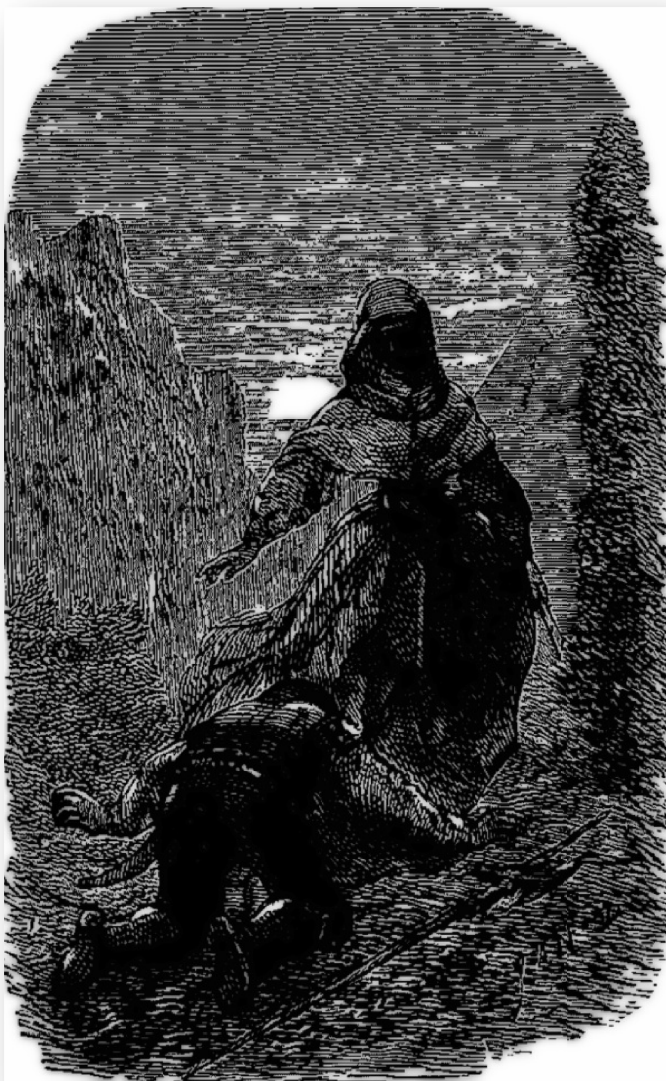
— Это она! — воскликнул король. — Это она! Почему ты не задержал ее?

— Ваше Величество, у меня не было моей алебарды. Но как только мне доведется встретиться с этим привидением, я убью его.

— Смотри же в оба! Как только она вернется, не пугайся, бросайся за ней, узнай, где она скрывается. Но где же она? Куда она скрылась? Веди меня, если я найду ее, твое счастье обеспечено.

— Ваше Величество, — сказал честный привратник, глядя на луну, — если призрак и находится где-нибудь, так это там, наверху. Я видел его так, как вижу вас, он рассеялся в тумане. Но перед своим исчезновением он передал мне для вас два слова.

— Говори скорее.

— Слова эти ужасны, я никогда не осме-
люсь повторить их.

— Говори же, наконец! Это мой приказ.

— Привидение сказало замогильным го-
лосом: «Передай королю: если он женится
вновь, то погибнет. Возлюбленная вернет-
ся».

— Вот, — сказал король, глаза которого
сверкнули странным огнем, — возьми мой
кошелек. Я полагаюсь на твою преданность
и молчаливость. Пусть эта тайна навсегда
останется между нами. С сегодняшнего дня
я назначаю тебя главным камердинером.

— Это уже вторая тайна, — пробормотал
Рашембур и удалился с видом человека, не
дающего сломить себя ни страху, ни блеску
богатства. Это был сильный характер!

На другой день «Ведомости» поместили в своей неофициальной части следующие строки:

«Распространился слух, что король предполагает в недалеком будущем вступить в повторный брак. Королю хорошо известны обязанности относительно подданных и он всецело посвятит себя их благу. Король ни о чем не помышляет, как только о своей утрате. Только со временем он надеется получить утешение, в котором ему теперь отказано».

Заметка эта взволновала придворных и весь город. Молодые девицы находили, что король слишком щепетилен. Не одна мамаша пожимала плечами и говорила, что у него мещанские предрассудки. Вечером же во всех добрых семьях творилось что-то невообразимое. Не было мало-мальски порядочной супруги, которая не искала бы ссоры со своим недостойным супругом, заставляя его признать, что в целой стране есть единственное, способное любить

сердце и единственный верный супруг: король Прелестник.

VII. ДВЕ КОНСУЛЬТАЦИИ. DEUX CONSULTATIONS.

После всех треволнений короля охватила мучительная скука. Чтобы развеяться, он устраивал всевозможные увеселения. Он охотился, посещал оперу и комедию, принимал гостей, читал карфагенский роман — ничто не помогало. Неизгладимое воспоминание, образ, всегда витавший перед ним, не давал ему ни отдыха, ни покоя. Цыганка преследовала его даже в сновидениях. Он видел ее, говорил с ней, она слушала его и, как только спадала маска, перед ним появлялось бледное и печальное лицо Паццы.

Доктор был единственным доверенным лицом, которому Прелестник мог признаться в угрызениях своей совести. Но при одном упоминании об этом Видувильст громко рассмеялся.

— Пустая привычка! — сказал он. — Полагайтесь на время, развлекайтесь, и все пройдет.

Для развлечения короля, для изгнания его печали доктор каждый вечер ужинал наедине с ним и щедро подливал ему средства упоения и забытья. Видувильст не жалел и себя, но вино не имело власти над этим мощным рассудком. В то время как Прелестник, то веселый, то задумчивый, кидался в крайности утех и отчаяния, в вечном волнении, не ведая счастья, Видувильст, спокойный и улыбающийся, руководил мыслями короля.

Доктор был честолюбив, он родился, чтобы быть визирем. Каждое утро какое-нибудь новое распоряжение говорило на-

роду, что их король — ничто, а его управляющий — всё. Прелестник не замечал своего собственного бессилия. Запершись в своих палатах, снедаемый скукой, он не имел иного собеседника, кроме паж, представленного к его особе по рекомендации Рашембура главным управляющим. Видувильст был слишком хорошим психологом, чтобы в чем-нибудь отказать старшему камердинеру. Проказник, балагур, недурной музыкант, игрок в карты, Тонто (так звали юношу) забавлял короля своей находчивостью. Не меньше нравился он и управляющему, но благодаря другим своим качествам. Преданный своему покровителю, милостивый паж с самым невинным видом пересказывал все слова короля. Это было не особенно трудным делом: король постоянно грезил и почти ничего не говорил.

Что может быть прекрасней власти? Но чем дальше в лес, тем больше дров. Честолюбивый доктор жаждал почета и блеска королевского сана: не было ничего проще,

чем запугать короля болезнью и услать его в далекие края искать исцеления, которого пришлось бы долго ждать. А во время его отсутствия можно было бы управлять королевством совершенно бесконтрольно.

Прелестник был молод и еще не разочарован в жизни, да и кроме того, как мог он противоречить нежным заботам доброго доктора? Однажды вечером во дворце собрались три умнейших головы медицинского факультета: высокий Тристан, толстый Жокондюс и маленький Гильерэ, три знаменитых гения.

После того, как короля опросили, осмотрели, ощупали, выслушали, Тристан потребовал слова и сказал грубым голосом:

— Ваше Величество, о вас нужно заботиться, вам нужно жить, сложа руки. Болезнь ваша — малокровие, расслабление органов. Лишь поездка на Светлые Воды может принести вам исцеление. Поезжайте

скорее, иначе вы пропадете, это — мое мнение.

— Ваше Величество, — заговорил толстый Жокондюс, — я всецело разделяю замечательное мнение почтенного коллеги. Вы страдаете от того, что слишком хорошо себя чувствуете. Ваш недуг — полнокровие. Отправляйтесь на Светлые Воды, вы

поправитесь. Поезжайте скорее, иначе вы пропадете, это — мое мнение.

— Ваше Величество, — сказал маленький Гильерэ, — я не могу не удивиться замечательной способности моих учителей распознавать характер болезни. Так же, как и они, я полагаю, что вы страдаете необузданностью симпатий, происходящей от слишком податливого характера. Скорее отправляйтесь на Светлые Воды, иначе вы пропадете, это — мое мнение.

Затем был составлен протокол, который Тонто должен был отнести тотчас же в «Ведомости», после этого три врача встали, откланялись и начали спускаться по дворцовой лестнице, споря или смеясь, — неизвестно.

После ухода трех врачей Видувильст пробежал глазами протокол, долго размышлял, затем взглянул на короля. У Прелестника, поужинавшего в этот вечер лучше обыкновенного, было угрюмое выраже-

ние, он даже не слышал, о чем толковали врачи:

— Ваше Величество, — сказал Видувильст, — единодушное мнение этих господ состоит в том, что вам необходимо отправиться на Светлые Воды и отказаться от забот по управлению своими владениями. По моему мнению, однако, подобное решение нимало не достойно вас.

— Довольно, — прервал король, — уволь меня от этой старой морали! Ты хочешь, чтобы я уехал, мой добрый друг, ты ждешь — не дожدهшься этого, из участия ко мне, я это знаю. Составь проект декрета, я подпишу его.

— Ваше Величество, декрет здесь, в портфеле. Хороший управляющий всегда предугадывает возможные случайности. Не знаешь наперед, что может случиться.

Прелестник взял перо и машинально подписал бумагу, не прочитав ее, но вдруг,

повинуясь минутному капризу, взял ее обратно и прочел.

— Что? — сказал он. — Без объяснения мотивов? Ни слова о том благорасположении, которое я к тебе питаю! Доктор, ты слишком скромн. Завтра эта бумага будет напечатана в газете с дополнением, написанным рукою твоего повелителя. Прощай, эти господа меня слишком утомили.

Доктор вышел легкой поступью, с высоко поднятой головой, с блестящими глазами. Он был ещё более надменн и заносчив, чем обыкновенно. Прелестник снова погрузился в размышления о том, что все-таки он не самый несчастный из королей, так как небо наделило его другом.

Вдруг безо всякого доклада в комнату короля вошел такой дикий маленький врач, какого едва ли когда-нибудь встречали во дворцах. На нем был седой парик в локонах, ниспадавших до самых плеч, белоснежная борода доходила до по-

ловины груди, а глаза были так подвижны и блестели таким юношеским огнем, что можно было сказать, что они явились на свет лет на шестьдесят позднее тела.

— Где эти невежды? — воскликнул он резким голосом, стуча об пол тростью. — Где они, эти невежды, эти педанты, эти неучи, что не дождались меня? А, — обратился он к изумленному королю, — это вы — пациент? Покажите язык, только скорее, мне некогда.

— Кто вы такой? — спросил Прелестник.

— Доктор Истина, лучший врач в мире, вы скоро в этом убедитесь, несмотря на мою скромность. Спросите Видувильста, вызвавшего меня из страны Снов. Я излечиваю все, даже несуществующие болезни. Высуньте язык! Очень хорошо! «Малокровие»... осел! «Полнокровие»... два осла! «Нервные припадки»... три осла! «Пить светлую воду»... стадо ослов! Знаете, как

зовут вашу болезнь? Скорбью и даже хуже того.

— Вы находите? — спросил в испуге Прелестник.

— Да, сын мой. Но я вас вылечу. Все будет готово завтра в полдень. Чей это портфель? Управляющего? Хорошо. Поставьте свою подпись под этими тремя бумагами.

— Это — приготовленные к моей подписи приказы. Что вы хотите с ними делать?

— Это будут мои рецепты. Следствие лечат причиной, подписывайте. Итак, сын мой, будьте послушны и завтра в полдень вы будете веселы, как зяблик. Вы смее-тесь, сын мой. Это хороший знак, когда больной смеется над своим врачом.

— Да, — проговорил Прелестник, прочитав бумаги, — я смеюсь при мысли о той гримасе, которую скорчил бы завтра Видувильст, если бы он прочел эти рецепты в газете. Не глумите, доктор-шутник, отдайте мне эти бумаги и давайте прекратим этот маскарад.

— Что это такое? — спросил маленький человек, читая бумагу, оставленную Видувильстом. — Да простит меня небо, ведь это отречение от всех ваших прав! Разве вы помышляете об этом, король Прелестник? Как? Наследие предков, твою честь, твое имя, ты кидаешь к ногам какого-то искателя приключений? Ты позволяешь лишиться себя всего и даешь обманщику провести себя? Этого быть не может, этого я не допущу. Я помешаю этому, слышишь?

— Кто наглец, говорящий «ты» королю? Вон, негодяй, не то я выкину тебя из окна!

— Меня? — крикнул своим резким голосом маленький врач. — Нет! Пока я не уничтожу этот образец безумия и глупости!

Король схватил безумца и кликнул стражу. Никто не отвечал. То угрожая, то умоляя, маленький старикашка отбивался с непостижимой ловкостью. Ударом ноги он сбросил лампу на пол, но король, не стра-

шась темноты, крепко держал незнакомца, силы которого начинали слабеть.

— Отпустите меня, — бормотал он, — именем неба отпустите меня. Вы не знаете, что делаете, вы ломаете мне руку!

Слова и просьбы — все было тщетно. Но вот, внезапно — пиф-паф! Пиф-паф! Град пощечин обрушился на щеки Прелестника. Ошеломленный, он выпустил свою жертву из рук и громко стал звать на помощь.

VIII. КОНЕЦ СНОВИДЕНИЯ. LA FIN D'UN REVE.

Наконец открылась дверь. Вошел Рашембур.

— Где он, этот дьявольский доктор? — спросил Прелестник, вне себя от бешенства.

— Повелитель, — отвечал камердинер, — его превосходительство господин Видувильст час тому назад покинул замок.

— Тебя не спрашивают о Видувильсте! Куда исчез тот негодяй, который только что напал на меня?

— Повелитель, — отвечал Рашембур, — я не отлучался со своего места и никого не видел.

— Я же тебе говорю, что какой-то человек находился несколько минут тому назад в этой комнате.

— Ваше Величество никогда не ошибаются. Если кто-нибудь и был в этой комнате, то он и в настоящее время находится здесь, по меньшей мере, если он не улетел или же, если Вы не изволили видеть его во сне.

— Трижды дурак, разве я похож на человека, только что пробудившегося? Разве я сам опрокинул эту лампу? Разве я разорвал эти бумаги?

— Повелитель, — сказал Рашембур, — я не более чем червь земной. Упаси меня Господь противоречить! Но в течение всего этого года у нас эпидемия каких-то особенных сновидений. Несколько минут тому назад сон одолел меня против моей воли, и, не будь я убежден, что видел все во сне, я, пожалуй, сказал бы, что какая-то невидимая рука дала мне две оплеухи, которые меня и разбудили.

— Две оплеухи! — вскричал король. — Это — привидение! А я не узнал его, хотя это был тот же голос, те же манеры. Что это значит? Друг мой, ни слова об этом! Возьми этот кошелек и храни мою тайну.

— Это уже третья, — пробормотал верный Рашембур, после чего он стал раздевать короля с усердием и ловкостью, заставившими его светлость несколько раз улыбнуться.

Подобные волнения отгоняют сон. Уж светало, когда король заснул, и солнце стояло высоко в небе, когда он проснулся. В тот первый момент, который уже более не сон, но еще и не пробуждение, Прелестнику слышался какой-то странный шум: звонили в колокола, стреляли из пу-

шек, три или четыре военных оркестра играли каждый свою пьесу. Это был адский концерт. Король позвонил, вошел Рашембур, держа в руках букет цветов.

— Дозвольте, — сказал он, — самому последнему из слуг первому выразить всеобщую радость. Арендная плата уменьшена! Темницы открыты! Надсмотрщики распущены! Никогда не носила земля человека, подобного вам. Покажитесь на балконе, улыбнитесь толпе, которая вас благословляет!

Рашембур не мог продолжать, слезы заглушили его голос. Он хотел вытереть глаза, но был до того растроган, что вместо платка вынул только что выпущенный номер «Ведомостей» и начал целовать его, как сумасшедший.

Прелестник взял газету и во время одевания тщетно пытался собраться с мыслями. Каким образом очутились эти приказы в газете? Кто отнес их туда? Что это Виду-

вильст не явился до сих пор? Король хотел было поразмыслить, привести кое-какие справки, но толпа стояла там, под окнами. Нельзя было заставлять ее ждать.

Как только король показался на балконе, ему навстречу понеслись крики восторга, от которых невольно забилося его сердце. Мужчины кидали шапки в воздух, женщины махали платками, матери высоко поднимали своих детей и заставляли их протягивать ручонки и лепетать «Да здравствует король!» Всех охватило какое-то восторженное неистовство. Общее волнение пе-

решло к Прелестнику. Он разрыдался, сам не зная, почему. В это мгновение часы пробили полдень, привидение не ошиблось: король выздоровел.

Одно лишь лицо отсутствовало на торжестве — это Видувильст. Куда скрыл он свое бешенство и досаду? Неизвестно. Таинственная записка, полученная им в то утро, заставила его бежать. Между тем записка содержала лишь следующие простые слова: «Король знает всё!» Кто же написал это роковое письмо? Во всяком случае, не сам король. Едва ли не единственный во всем дворце, он думал о своем управляющем и удивлялся, почему не видит его подле себя.

Вдруг вошел Тонто, бледный и расстроенный. Он вручил королю запечатанный пакет. Генерал Байонет сообщал королю ужасное известие: восстали шесть отрядов надсмотрщиков во главе с Видувильстом. Мятежники объявили короля низложенным, обвиняли его в тяжких проступках, в осо-

бенности же в убийстве королевы. Они были хорошо организованы и приближались к городу. Байонет умолял короля прибыть к войскам безотлагательно и принять командование: час опоздания — и все будет потеряно.

Увлекаемый Тонто и Рашембуром, король тайно покинул замок в сопровождении нескольких офицеров. Воззвание, прибитое к городской стене и наклеенное на всех городских углах, гласило, что слухи, распространяемые некоторыми недоброжелателями, лишены основания и что никогда воины не были более преданными и верными королю, чем в настоящее время. Это произвело всеобщую панику. Курс на бирже упал в какие-нибудь полчаса на целых четыре франка и не повышался до тех пор, пока не пришло известие, что короля хорошо встретили в главной резиденции.

IX. СИЛЬНЫЕ НЕДУГИ ЛЕЧАТ СИЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ

AUX GRANDS MAUX LES GRANDS
REMEDES.

Сообщение оказалось ложным: король был встречен весьма холодно. Это была его собственная вина. Печальному, встревоженному, задумчивому Прелестнику было не до шуток с воинами, не до задушевных бесед с офицерами. Он вошел в палатку генерала и со вздохом опустился на стул.

— Ваше Величество, — сказал Байонет, — позвольте мне говорить с Вами с прямой солдата, с вольностью старого друга. Наши войска ропщут, колеблются, их необходимо воодушевить, иначе мы пропали. Враг перед нами, нападём на него. Какие-нибудь десять минут решают иногда судьбу целых государств. Мы теперь находимся

именно в таком положении. Не молчите, иначе будет поздно.

— Хорошо, — отвечал король, — прикажи садиться на коней. Через минуту я буду с вами.

Оставшись наедине с Рашембуром и Тонто, король произнес с отчаянием в голосе:

— Добрые друзья мои, покиньте короля, который более не в силах сделать что-либо для вас. Я не буду отстаивать свою жалкую жизнь. Обманутый другом, оскорбленный неизвестным негодяем, я в своем несчастье узнаю десницу Всевышнего, карающую меня. Это искупление моего преступления. Я убил королеву бессмысленной жаждой мщения. Настал час расплаты за мой проступок, я готов.

— Ваше Величество, — проговорил Тонто, пытаясь улыбнуться, — отбросьте эти грустные мысли. Если бы королева была здесь, она приказала бы Вам защищаться. Верьте мне, — подтвердил он, теребя лег-

кий пушок на верхней губе. — Я знаю женщин, да! Даже в могиле они не оставили бы мысли о мщении. Притом же Вы ведь не убивали королеву. Быть может, она вовсе не так уж мертва, как вы полагаете.

— Дитя, что ты говоришь? — воскликнул король. — Ты теряешь голову!

— Я говорю, что бывают жены, умирающие нарочно, чтобы привести в бешенство своих мужей. Отчего же Вы не хотите допустить мысли, что бывают и такие, которые воскресают из мертвых, чтобы взбесить их еще более? Оставьте мертвых в покое, заботьтесь о живых, которые вас любят. Вы — король, сразитесь же по королевски и, если вам суждено погибнуть, погибайте, как подобает королю.

— Ваше Величество, — объявил вошедший со шпагой в руке Байонет, — время не терпит.

— Генерал, прикажите трубить, — крикнул Тонто, — мы идем!

Прелестник подождал, пока выйдет генерал, и, взглянув на Тонто, сказал:

— Нет, я не выйду. Я не знаю, что со мной происходит, я вселяю страх самому себе. Я не боюсь смерти, я сам себя убью. И все-таки мне страшно, я не буду сражаться.

— Повелитель, — уговаривал Тонто, — небом заклинаю Вас, мужайтесь. На коня, это необходимо. Боже мой! — воскликнул он, ломая руки. — Король меня не слушает, мы погибли! Идем! — крикнул он, схватив короля за плащ. — Прелестник, спасай свое государство, спасай всех, кто питает к тебе любовь. Трус! Взгляни на меня — я готов умереть за тебя! Не покрывай себя позором, сразись! Если ты не встанешь, я, твой слуга, нанесу тебе оскорбление! Ты — трус, слышишь, трус!

И — пиф-паф! — дерзкий паж ударил Прелестника по щеке.

— Смерть и проклятие! — вскричал оскорбленный, обнажая шпагу. — Перед своей смертью я убью этого негодяя!

Но негодяй уже выбежал из палатки. Одним прыжком он вскочил на коня и со шпагой в руке понесся на неприятеля с криком:

— Король! Друзья, король! Трубите в трубы! Вперед, вперед!

Взбешенный Прелестник пришпорил коня в погоне за пажем. Подобно быку, которого дразнят красным плащом, он несся с опущенной головой, не думая ни об опасности, ни о смерти. Байонет последовал за ним, воины понеслись за своим генералом. Это была восхитительная кавалерийская атака, которая едва ли встречалась до или после этого в истории.

Под грохот несущихся в атаку эскадронов, от которого тряслась земля, застигнутый врасплох неприятель едва успел выстроиться в боевой порядок. Один лишь человек узнал короля, это был негодяй Видувильст.

Изменник с саблей в руке устремился навстречу. Король мог погибнуть, если бы Тонто не успел осадить своего коня, не повернул его и не бросился на Видувильста.

Паж принял на себя удар, предназначенный для короля, испустил громкий крик, взмахнул руками и упал. Но был он тут же отомщен. В горло изменника-врача Прелестник вонзил свою шпагу по самую рукоятку.

Смерть изменника решила исход сражения.

Войска, воодушевленные геройством своего предводителя, быстро разбили неприятеля. Мятежники, потерявшие отныне надежду на победу, запросили пощады и были тотчас же допущены к милостивому и счастливому победителю.

Час спустя после того, как Прелестник ступил на поле сражения, где он думал умереть, он возвращался с него триумфатором, окруженный победителями и побежденными.

Приветствуя своего короля, первые громко кричали, вторые кричали еще громче.

**Х. ВЫЯСНЯЕТСЯ, ЧТО НЕ СЛЕДУЕТ
СУДИТЬ О ЛЮДЯХ ПО ИХ ВНЕШНОСТИ,
И ЧТО ТОНТО БЫЛ НЕ ТОНТО**
OU L'ON VOIT QU'IL NE FAUT PAS JUGER
LES GENS SUR L'APPARENCE, ET QUE TONTO
N'ETAIT PAS TONTO.

Король вошел в свою палатку немного отдохнуть. При виде Рашембура он вспомнил о Тонто.

— Паж убит? — спросил он.

— Нет, Ваше Величество, — отвечал Рашембур, — к несчастью для себя, он жив еще, но безнадежен. Я велел перенести его отсюда к его тетке, маркизе де-Косторо, которая живет в двух шагах отсюда.

— Он племянник маркизы? Мне никто этого не говорил.

— Ваше Величество, вы просто забыли об этом. У бедняги тяжелая рана в плече, он более не поправится. Увидеть Ваше Величество перед смертью доставило бы ему великое счастье.

— Хорошо, — сказал король, — проводи меня к нему.

При входе в замок короля встретила маркиза. Она провела его в комнату, в которой спущенные шторы поддерживали приятный полумрак. На софе лежал паж, бледный и окровавленный, однако, он имел еще силы приподнять голову.

— Вот так диво! — воскликнул Прелестник. — Это самая странная рана, которую я когда-либо видел! У пажа всего один ус!

— Ваше Величество, — сказала маркиза, — должно быть лезвие шпаги, вонзившееся в плечо, обожгло другой ус. Нет ничего разнообразнее ран, наносимых холодным оружием. Это известно каждому.

— Что за чудо, — продолжал удивляться Прелестник, — с одной стороны это — Тонто, мой паж, этот негодяй, с другой, это, это... нет, я не ошибаюсь, это ты, мой добрый гений и спаситель, это ты, моя бедная Пацца!

Прелестник упал на колени и схватил протянутую руку.

— Ваше Величество, — сказала Пацца, — дни мои сочтены, но прежде, чем умереть...

— Нет, нет, Пацца, ты не умрешь! — воскликнул король со слезами в голосе.

— Перед смертью, — продолжала она, опуская глаза, — я хочу, чтобы ты простил мне те пощечины, которые сегодня в припадке безрассудного усердия...

— Довольно, — прервал король, — я прощаю тебя. Во всяком случае, мои владения и моя честь стоят дороже того, что я получил сегодня.

— Увы, — прошептала Пацца, — это еще не все.

— Как не все? Что еще?

— Прелестник, доктор... тот маленький доктор, который осмелился дать тебе...

— Ты его подслала? — спросил король, хмуря брови.

— Увы, это была я сама. Боже, чего я только не сделала бы для того, чтобы спасти моего короля.

— Довольно, довольно, я прощаю тебя, хотя урок был немного суров.

— Увы, и это еще не все, — вздохнула Пацца. — Ведь та цыганка на балу, которая осмелилась...

— Была ты, Пацца? — прервал король. — О, это я тебе тоже прощаю, это я вполне заслужил. Сомневаться в тебе, воплощенной искренности! Но, боже, я вспоминаю! Я вспомнил ту смелую клятву, которую ты дала мне в вечер нашей свадьбы! Коварная, ты сдержала свое слово, теперь очередь за мной! Пацца, скорее выздоравливай и возвращайся в замок, из которого счастье улетело вместе с тобой.

— Еще одну милость мне надо просить у тебя, Прелестник, — сказала Пацца. — Рашембур был сегодня утром свидетелем сцены, при мысли о которой я краснею и которую нужно скрыть от всех. Этого верного слугу я препоручаю твоей доброте.

— Рашембур, — произнес король, — бери этот кошелек и под страхом смерти храни нашу тайну.

Рашембур встал на колени и, целуя руку своей госпожи, прошептал:

— Ваше величество, эта — четвертая и четвертый.

Затем, поднявшись, он воскликнул:

— Господь да благословит руку, одаряющую меня!

Спустя несколько минут после этой трогательной сцены Пацца заснула. Король, все еще не успокоенный, разговаривал с маркизой.

— Тетушка, — спрашивал он, — уверены ли вы в том, что Пацца поправится?

— О, — отвечала старая дама, — радость может поставить на ноги даже самую большую женщину. А счастье, разве оно бес- сильно? Поцелуй королеву, племянник, это принесет ей больше пользы, чем все ваши лекарства.

XI. ЖЕНА ДОЛЖНА ПОВИНОВАТЬСЯ МУЖУ.

OU IL EST PROUVE QUE LA FEMME DOIT
OBEISSANCE A SON MARI.

Маркиза была права (дамы всегда правы, начиная с шестидесятилетнего возраста). Две недели счастья поставили Паццу на ноги и позволили ей принять участие в триумфальном въезде в королевский замок. Бледность ее и рука на перевязи увеличивали еще более ее миловидность и красоту. Прелестник не спускал глаз с королевы, и все следовали примеру своего господина.

Чтобы доехать до замка, нужен был час времени. Обитатели окрестных сел и деревень воздвигли три триумфальные арки. Первая арка была украшена гирляндами из зелени и цветов. Над нею красовалась надпись:

«Самому нежному и преданному супругу».

Вторая арка, воздвигнутая более солидно и покрытая коврами, была украшена изображением богини правосудия с повязкой на глазах. Внизу была надпись:

«Отцу и покровителю, защитнику слабых и угнетенных».

Последней была громадная арка, составленная сплошь из пушек и носившая надпись:

«Храбрейшему и мужественному полководцу».

Я уволю вас от описания обеда, не имевшего конца, и шестидесяти застольных речей, заимствованных ораторами из старинных газет, где их печатали уже не-

сколько раз и куда их каждый раз возвращали для нужд будущих поколений. Нет ничего однообразнее счастья, и поэтому будем снисходительны к тем, кто обязан официально воспевать его. В подобных случаях самый красноречивый — тот, кто говорит меньше всех. Наконец и этот бесконечный вечер подошел к концу.

Gare aux soufflets! paresseux, indociles,

Qui vous rouillez dans vostre oisivete!

Gare aux soufflets ! flatteurs, asmes serviles,

Qui cachez mal sous des formes civiles

Vostre impudence et vostre avidite.

Graves docteurs, fatidiques sibylles,

Adroits vendeurs de grands mots inutiles

Qui vous moquez de nostre laschete.

Gare aux soufflets !

Et vous, maris, coeurs ingrats et mobiles,
Qui vous croyez politiques habiles
En desdaignant l'amour et la bonte,
Si quelquejour vos femmes moins futiles
Escoutaientmieux une justefierte,
Gare aux soufflets !

В полночь Прелестник проводил королеву, на этот раз не в башню, а в роскошно убранные покои. У дверей он обратился к супруге и сказал:

— Без тебя я — ничтожество, моя дорогая Пацца. Всем, что есть во мне, я обязан тебе. Когда тебя нет со мной, я не более, чем тело без души, и я ничего не в состоянии сделать, кроме глупостей.

— О нет, мой дорогой, — прервала его Пацца, — позволь мне опровергнуть тебя.

— Боже мой! — возразил король. — Я не пытаюсь выказать излишнюю скромность! Но с этой минуты я передаю тебе всю свою власть. Твой супруг, моя дорогая Пацца, будет теперь не более чем первым твоим подданным, верным министром твоих желаний. Ты будешь сочинять пьесу, а я буду ее исполнять. Знаки одобрения будут принадлежать мне, по обычаю, а тебе я их возвращу впоследствии своей любовью.

— Друг мой, не говори так, — сказала Пацца.

— Я знаю, что говорю, — с живостью возразил король. — Я хочу, чтобы ты повелевала, я желаю, чтобы в моих владениях,

как в любом доме, ничего не происходило без твоего ведома. Я — король, я этого хочу, я приказываю!

— Ваше Величество, — отвечала Пацца, — я — ваша жена, мой долг — повиноваться.

Они жили долго, счастливо и согласно, очень любили друг друга, и у них было много детей.

Вот настоящий конец всех лучших сказок.

C'EST LA VRAIE FIN.

СНОСКИ:

1 Эта история, очень популярная в Испании рассказана очень мило в одном из лучших романов Фернандо Кабаллеро, *la Gaviota ou la Mouette*. Cette histoire, fort populaire en Espagne, est racontée avec beaucoup d'esprit dans un des plus jolis romans de Fernand Caballero, *la Gaviotta ou la Mouette*.

2 Этим именем зовут друг друга цыгане. C'est le nom que se donnent entre eux les bohemiens.

3 опанков; «кусоч сыромятной воловьей кожи, привязанной к ступне ремнями, составляет род древних сандалий, называемых ими опанки; летом ноги голы, а зимой обёртываются онучами». — В. Б. Броневский. Записки морского офицера, в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. 1836.

4 САМОЙ ЛУЧШЕЙ ИЗ ЖЁН ОТ САМОГО БЕЗУТЕШНОГО ИЗ МУЖЕЙ.

5 Сенешаль — управляющий королевского двора или двора крупного сеньора.

6 Сир — государь, Ваше Величество.

7 Пацца — по-итальянски сумасшедшая. C'est-a-dire la Folle, en italien. Il paraot que dans le royaume des Herbes-Folles on parle un langage fort melange.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

МУДРОСТЬ НАРОДОВ, или ПУТЕШЕСТВИЯ КАПИТАНА ЖАНА.	2
I. КАПИТАН.	2
II. ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КАПИТАНА.....	7
III. ИСТОРИЯ КУКУРЕКУ (1).	11
IV. ЦЫГАНКА.	19
V. СКАЗКИ НЕГРОВ.	22
ИСТОРИЯ ПОРТНОГО.....	23
ЛАСОЧКА И ЕЁ МУЖ.....	26
VI. ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КАПИТАНА.	31
ПЕСНЯ СОЛДАТА.	32
ПЕСНЯ ЖЕНИХА.	33
VII. СУДЬБА.	35
VIII. ПЕРВЫЙ БЛАГОРАЗУМНЫЙ ЧЕЛОВЕК.....	42
IX. ТРИ ИСТОРИИ ДАЛМАТИНЦА.....	47
ЛЕНИВИЦА.	47
О ДЕВУШКЕ, КОТОРАЯ БЫЛА УМНЕЕ ИМПЕРАТОРА.	51
ЯЗЫК ЖИВОТНЫХ.	58
X. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	65
РАК-ВОЛШЕБНИК. Эстонская сказка.	67
ЗЕРБИНО-НЕЛЮДИМ. Неаполитанская сказка.	88

I.....	88
II.	90
III.	93
IV.....	95
V.....	98
VI.....	102
VII.....	104
VIII.....	107
IX.....	110
X.....	114
XI.....	119
XII.....	125
ИВОН И ФИНЕТТА. Бретонская сказка.....	128
I.....	128
II.	133
III.	144
IV.....	151
V.....	156
VI.....	170
VII.....	176
ПИФ-ПАФ ИЛИ ИСКУССТВО УПРАВЛЯТЬ ЛЮДЬМИ. Французская сказка.....	183
I. КОРОЛЬ КАПРИЗНИК И ПРИНЦ ПРЕЛЕСТНИК.....	183

II. МАДЕМУАЗЕЛЬ ПАЦЦА.....	186
III. ПЕРВЫЙ УРОК.	190
IV. СВАДЬБА ПАЦЦЫ.	195
V. УЖАСНОЕ СОБЫТИЕ.	200
VI. КОСТЮМИРОВАННЫЙ БАЛ.	203
VII. ДВЕ КОНСУЛЬТАЦИИ.	213
VIII. КОНЕЦ СНОВИДЕНИЯ.	219
IX. СИЛЬНЫЕ НЕДУГИ ЛЕЧАТ СИЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ.....	223
X. ВЫЯСНЯЕТСЯ, ЧТО НЕ СЛЕДУЕТ СУДИТЬ О ЛЮДЯХ ПО ИХ ВНЕШНОСТИ, И ЧТО ТОНТО БЫЛ НЕ ТОНТО	227
XI. ЖЕНА ДОЛЖНА ПОВИНОВАТЬСЯ МУЖУ.	230
СНОСКИ:	234
ОГЛАВЛЕНИЕ:	235

